

СПЕШИЛОВА ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА

Аспирант.

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: e.speshilova@yandex.ru

УДК 130.121

БЕССМЕРТИЕ АВТОРА

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта, реализуемого на базе НГУЭУ («Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека», грантовое соглашение № 14-18-03087)

Аннотация. Статья посвящена аналитическому рассмотрению одной из попыток «ликвидировать» субъекта, предпринятой Р. Бартом и М. Фуко при исследовании роли автора в художественном произведении. Автор рассматривает концепт смерти автора, представленный Бартом и Фуко, которые оставляют за авторством лишь статус «эффекта письма» или «функции текста». Согласно этому концепту, смерть автора означает возрождение читателя, чья позиция выступает точкой сборки, в которой все знаки и элементы текста собираются воедино, обретают свою завершённость и смысл. В статье представлены критические аргументы, которые позволяют обнаружить существенные недостатки указанной концепции; в частности, поставлен вопрос об автореферентности утверждения о смерти автора. Вместе с тем показано, что определённые аспекты гипотезы о смерти автора отражают некоторые реальные нюансы существования и восприятия текста. Таким образом, в статье постулируется «бессмертие» автора как неустранимой инстанции текста, что вовсе не противоречит признанию значимости роли читателя в художественном дискурсе.

Ключевые слова: онтология, антропология, текст, автор, смерть автора/субъекта, читатель.

Elizabeth I. Speshilova

THE IMMORTALITY OF THE AUTHOR

Abstract. The article is devoted to the analytical review of one of the attempts to “eliminate” the subject undertaken by Roland Barthes and Michel Foucault in their studies of the author’s role in literary work. Author is observing concept of the author’s death, presented by Roland Barthes and Michel Foucault, who are leave for the authorship only the status of “writing’s effect” or “text’s function” to the author. According to them, the death of the author is the revival of the reader, which is the point of assembly, in which all signs and text elements come together, gain their completeness and meaning. The article presents critical arguments that can detect significant drawbacks of this concept; in particular, it raises the question of self-referential statements about the death of the author. However, it is shown that certain aspects of the hypothesis of the author’s death reflect some nuances of the real existence and the perception of the text. Thus, the article postulated “immortality” of the author as unremovable instance of the text, which doesn’t contradict the recognition of the importance of the reader’s role in the literary discourse.

Keywords: ontology, anthropology, the text, the author, the death of the author/subject, the reader.

Философия XX века во многих своих проявлениях — наследница ницшеанского тезиса «Бог умер» со свойственным этой позиции стремлением к критике метафизики, борьбе с классикой, переоценке ценностей и переопределению понятий. Предпринятая в XX веке атака на трансцендентное осуществлялась по разным направлениям, реализуясь, в том числе, через попытки нивелировать значение таких антропологических концептов, как «человек», «душа», «субъект», «автор», и в итоге констатировать очередную «философскую» смерть: будь то смерть субъекта или смерть автора [Смирнов 2015: 269]. Безусловно, такая смерть, как это всегда бывает, оправдывалась великими гуманистическими целями — желанием предоставить человеку возможность самоопределения, избежать какого-либо (природного, социального и др.) детерминизма, стремлением дать свободу смыслообразованию текста. Однако свобода всегда неизбежно связана с ответственностью — с ответственностью автора за написанное, с ответственностью человека за свой экзистенциальный проект; поэтому проект смерти автора/субъекта является проблемным, так как призывает к свободе, но не предполагает ответственности. Можем ли мы в итоге признать, что автор/субъект умер, или же его смерть оказалась всего лишь постановкой? Для начала исследуем сам концепт смерти автора.

Названный концепт наиболее ярко представлен и интерпретирован в произведениях двух известных европейских теоретиков: Ролана Барта и Мишеля Фуко. Теория Барта является *радикальной* концепцией, тогда как Фуко подходит к идее смерти автора критически, с *функциональной* позиции.

Наиболее кардинально идея смерти автора представлена в одноимённой работе [Барт 1994]. Критикуя классическое понимание интерпретации художественного произведения, в котором автор является авторитетом для читателя, смысл написанного задаётся его создателем, а для понимания произведения

необходимо обращаться к авторской биографии и к тому культурно-историческому контексту, в котором произведение было написано, Барт лишает автора законодательных полномочий в отношении смыслообразования текста. С его точки зрения, «присвоить тексту автора — это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо» [Барт 1994: 389]. Само возникновение фигуры *автора* Барт связывает с новым временем, а именно с открытием в философии идеи «достоинства индивида», или, выражаясь более высоким слогом, «человеческой личности» [Барт 1994: 385]. Фигура автора возникает наряду с такими понятиями, как «субъект» и «личность», отражая установки Нового времени на ценность индивидуального существования. Автор предстаёт как трансцендентный тексту элемент, а потому, следуя общей логике XX века, оказывается инстанцией власти, подавляющей свободу читателя. На смену понятию автора Барт вводит понятие скриптора, который возникает одновременно с текстом: «у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом; остаётся только одно время — время речевого акта, и всякий текст вечно пишется *здесь* и *сейчас*» [Там же: 387].

Автор вынужден умереть в логике постмодернизма, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в постмодерне происходит смена онтологической установки: весь мир предстаёт как текст, мир дан нам через текст. Писатель, создавая произведение, не выступает каким-либо активным началом, письмо ему предзадано: «писатель обречён на то, чтобы “разыгрывать” на литературной сцене своё мировидение в декорациях, костюмах, сюжетах и ампула, предложенных ему социальным установлением, называемым “литературным письмом”» [Косиков 2008: 28]. Письмо — «та область неопределённости, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, чёрно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [Барт 1994: 384]. Нельзя сказать, что в том или ином произведении звучит голос какого-то определённого автора; напротив, сам язык творит смыслы этого произведения. Автор лишь транслирует существующие смысловые фрагменты, комбинируя их в новом порядке, его «текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [Там же: 388] и миллионам культурных историй.

Во-вторых, согласно установке постмодерна, не существует какой-либо вечной и непоколебимой истины; смысл переменчив, хаотичен. По мнению Барта, письмо отказывается «признавать за текстом (и за всем миром как текстом) какую-либо “тайну”» и таким образом «открывает свободу контртеологической, революционной по сути своей деятельности, так как не останавливать течение смысла — значит в конечном счёте отвергнуть самого Бога и все Его ипостаси — рациональный порядок, науку, закон» [Там же: 390]. Так же обстоит дело и со смыслом произведения: ни в каком произведении нет единственного правильного смысла, ни одно из них не может быть подвергнуто однозначной интерпретации. Текст, письмо — это открытое и многомерное пространство, через которое мы не можем прорваться к какой-либо абсолютной истине, мы

можем только расшифровывать его, постоянно порождая новые значения. Вся множественность типов письма и культурных источников, закодированных в тексте, фокусируется не на позиции автора, а на позиции читателя, который предстаёт финальной точкой сборки произведения. В итоге такого рассуждения Барт естественным образом приходит к выводу о том, что «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [Барт 1994: 391]. Однако и читатель предстаёт в данном случае не как личность, а как ещё один словарь (наряду со словарём автора), с помощью которого дешифруется произведение: «читатель — это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [Там же: 390]. И хотя, казалось бы, пафос Барта состоит в том, чтобы возродить роль читателя в тексте, обозначить его активность, значимость в формировании смысла произведения, но, по сути, активным и творческим началом выступает само письмо, язык, текст, а не автор или читатель. Автор оказывается всего лишь медиатором, через который письмо самореализуется, а читатель — адресатом, в котором письмо обретает завершённость.

Развитие идеи смерти автора в качестве одного из аспектов тематики смерти субъекта отчётливо прослеживается в творчестве Мишеля Фуко. Наиболее репрезентативным в этом отношении является его выступление на заседании Французского философского общества в Колледж де Франс с докладом на тему «Что такое автор?», в котором он детально анализирует функционирование понятия «автор» в европейской культуре и критически рассматривает констатацию смерти автора, широко распространённую на тот момент в философии [Фуко 1996]. Идеи, которые развивает Фуко в этой работе, закономерно называть критической, или функциональной, концепцией смерти автора.

Прежде всего, Фуко отмечает, что, несмотря на заявления об «авторской» смерти, в исследовательском дискурсе остаются термины, которые тесно связаны с понятием автора и тем самым не позволяют «автору» окончательно исчезнуть: а именно — понятие произведения и понятие письма. Что такое произведение? Разве это не творческий продукт писателя? Возможно ли рассматривать произведения, особенно художественные, принципиально не как авторские? Понятие произведения в том виде, в каком оно по сей день существует, естественным образом вовлекает в дискурс фигуру автора, поскольку понятия «произведение» и «автор» взаимоопределимы: можно определить автора в качестве создателя произведения, а произведение — как творение автора. Полное уничтожение фигуры автора возможно только при исчезновении или хотя бы переопределении термина «произведение».

Аналогичным образом от окончательного забвения «автора» удерживает понятие письма, столь любимое Р. Бартом. Понятие письма заступает на место автора и, по мнению Фуко, наделяется сакральными и трансцендентальными характеристиками, которые ранее принадлежали писателю: утверждается творящее начало самого письма, его потусторонность, исходный, первоначальный статус по отношению к тексту. Таким образом, «исчезновение автора — событие, которое, начиная с Малларме, без конца длится, — оказывается подвергну-

тым трансцендентальному запираению на засов» [Фуко 1996: 18]. Р. Барт, как мы видели, громко заявил о смерти автора, однако в своей неосмотрительной радикальности он позволил автору ускользнуть от тотального забвения и пробраться в порядок дискурса если не через дверь, то хотя бы через окно.

С точки зрения Фуко, «недостаточно просто повторять, что автор исчез», точно так же, как «недостаточно без конца повторять, что Бог и человек умерли одной смертью» [Там же: 18]. «Смерть автора» — не заклинание; его беспрестанное воспроизведение не поможет уничтожить автора, как бы того ни хотелось авторам (!) этого высказывания. Вместо простого повторения тезиса об исчезновении автора необходимо проанализировать ту пустоту, которая осталась вместо него, и, в первую очередь, понять, как использовалось имя автора в нашей культуре, или, иными словами, исследовать функцию «автор», её роль в истории дискурсов.

Дискурсы, несущие функцию «автор», согласно Фуко, имеют своеобразные характеристики. Во-первых, такие «дискурсы являются объектами присвоения» [Там же: 22] и представляют собой специфическую форму собственности: изначально принадлежность авторам необходимо было устанавливать «в той мере, в какой автор мог быть наказан, то есть в той мере, в какой дискурсы эти могли быть преступающими» [Там же: 23]. Фигура автора, наряду с понятиями «человек», «тело», «душа», оказывается впутана в игру властных отношений, систему превентивно-карательных мер. Генеалогия этих властных отношений весьма подробно описана М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать», где на примере европейской судебно-уголовной системы представлена смена объекта наказания: со сменой властного дискурса наказывать стали не столько тела преступников, сколько их души [Там же: 26]. В эту юридическую институциональную систему вписывается и фигура автора, поскольку он выступает в качестве ответчика, если созданное им произведение нарушает правила и дискредитирует смыслы властного дискурса.

Во-вторых, «функция-автор не отправляется для всех дискурсов неким универсальным и постоянным образом» [Там же: 23]. Если рассмотреть научные и художественные тексты с точки зрения «функции-автор», то очевидно, что значимость этой функции сейчас проявляется, прежде всего, в «литературных» дискурсах. Смысл, который приписывается поэтическому или художественному тексту, его статус и ценность зависят от автора, от его авторского проекта, в то время как научные тексты принимаются безотносительно к их автору, в силу объективного характера научного знания. Это различие в «функции-автор» наглядно прослеживается на примере публикаций по естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам: статьи по естественнонаучной тематике зачастую принадлежат не одному, а нескольким авторам (группе учёных, научному коллективу), тогда как статьи по гуманитарной проблематике носят авторский, индивидуальный характер; наличие нескольких авторов в этом случае — явление редкое.

Вместе с тем, несмотря на различие дискурсов, «поверх времени можно обнаружить некий инвариант в правилах конструирования автора» [Там же: 26].

Если анализировать, каким образом современная критика и литература стремятся «обнаружить» автора в тексте, то, по мнению Фуко, можно отметить, что они используют «схемы, весьма близкие к христианской экзегезе» [Фуко 1996: 26]. Так, святой Иероним дал четыре критерия, согласно которым имя автора есть: 1) определённый уровень ценности; 2) маркёр концептуальной, теоретической связности; 3) знак стилистического единства; 4) указатель исторического момента. Данные критерии остаются актуальными и в литературном, и в критическом дискурсе по сей день: их используют при установлении авторства, выяснении авторских особенностей текста, исследовании авторского замысла произведения.

Однако Фуко не соглашается с таким определением автора и выделяет третью характеристику «функции-автор». Эта функция не есть простая атрибуция «некоторого дискурса некоему индивиду» (произведение не предикат, который приписывается автору-субъекту), а автор не является всего лишь реконструированным элементом инертного текста [Там же: 25]. Функция-автор предстаёт своего рода зазором между реальным писателем и рассказчиком в тексте, дистанцией между «я» автора и его «alter ego» в произведении: «все дискурсы, наделённые функцией-автор, содержат эту множественность Эго» [Там же: 29]. Голос автора расщепляется в тексте на множество голосов, у каждого из которых может быть своя партия.

Таким образом, в функциональной концепции тема смерти автора предстаёт не в столь радикальной форме, как у Р. Барта. В интерпретации Фуко эта идея не означает, что автора вообще не существует, но, скорее, значит, что автор — это некий эффект текста, определённая форма дискурса, его структурный элемент. Исчезновение фигуры автора в качестве личности писателя «позволяет обнаружить действие функции-автор» [Там же: 43]. Такой подход является критическим как по отношению к классическому представлению об авторе и его роли в интерпретации произведения, так и по отношению к радикальной концепции смерти автора, а сама идея смерти автора выступает, в том числе, и как спецификация темы смерти человека или смерти субъекта.

В классическом представлении, как было отмечено, автор является субъектом произведения, производителем смыслов созданного текста. Смерть автора призвана показать, что смысл произведения не является предзаданным для читателя, но формируется в процессе самого чтения. По аналогии с этим концепция смерти субъекта должна продемонстрировать смерть субъекта картезианского, показать, что сущность человека, его определение не предзаданы его существованию, а конституируются через его поступки, через культурные практики, через дискурс, в котором субъект существует [Дьяков 2008: 46]. Таким образом, говорить о смерти автора или субъекта в радикальном смысле нет достаточных оснований, более того, при этом возникает проблема автореферентности. Такого рода проблема возникает тогда, когда содержание высказывания включает в себя само это высказывание или его автора. Например, высказывание «Автор умер» относится и к автору самого этого высказывания. Другими словами, радикальный тезис Барта о смерти автора представляет со-

бой писательское самоубийство. С юридической точки зрения, это должно бы было означать отказ от авторских прав на ту самую статью, в которой обоснована эта мысль. А логическим завершением такого «самоубийственного» подхода должна была стать позиция анонимности или полного молчания. Тем не менее Барт стремится доказать, что автор умер, выступая при этом в качестве *автора* концепции смерти автора, и тем самым дискредитирует свой тезис. В конечном итоге, если Барт прав, и автор действительно умер, то, следовательно, сам Барт не является автором своей концепции, иными словами, не несёт за неё никакой ответственности, а значит, его словам о смерти автора нельзя доверять.

Тогда можно ли обнаружить иные, не столь радикальные основания для того, чтобы вести речь о смерти автора? Можно согласиться с тем, что умер автор как картезианский субъект (чья смерть как раз и описана Фуко), однако остаётся в живых автор как инициатор текста, заключающего в себе смысл и предназначенного для отклика читателя, приумножающего этот смысл. Для автора писательский труд — способ самосозидания, личного осуществления посредством текста: «литература, естественно, не Божья благодать, а совокупность проектов и решений, благодаря которым человек осуществляет себя (то есть, как бы обретает сущность) непосредственно в речевом акте» [Барт 2008: 120]. Представление о смерти автора, бесспорно, отражает некоторые реальные аспекты существования и восприятия текста. Так, при написании произведения возникают ситуации, в которых автор находится в позиции чистого реципиента: например, в момент вдохновения, когда возникает впечатление, что слова приходят сами собой. Кроме того, поскольку всякий текст возникает в культурном контексте, постольку он с неизбежностью содержит в себе явные или неявные отсылки к другим текстам, что делает невозможным признание *абсолютного* авторства. Далее, очень сложно объяснить некоторые тексты, опираясь на знание о личности автора. К примеру, вряд ли можно объяснить смысл «Лолиты» В. Набокова, обращаясь к образу жизни автора [ср. Смирнов 2011]. Наконец, нельзя отрицать, что всякий художественный текст, выйдя из рук автора, начинает жить своей жизнью (точнее, своими жизнями); каждое читательское прочтение связывает с текстом определённый набор смыслов и эмоций, и поэтому любой читатель оказывается в некотором смысле соавтором того произведения, которое он читает.

Тем не менее автор скорее жив, чем мёртв. Во-первых, у автора навсегда сохраняется преимущество перед читателем, поскольку именно он, а не читатель, инициирует само появление того или иного текста; без такой авторской инициативы не может появиться ни текст, ни, следовательно, его читатель. Во-вторых, сама интенция на смерть автора является сознательно принятой и реализованной авторской позицией, что косвенным образом подтверждает присутствие автора. Элиминация авторского замысла есть не что иное, как чей-то авторский замысел. И, в-третьих, если бы декларация о смерти автора соответствовала действительному положению дел, то ни один из подобного рода текстов не был бы подписан; если автор считает, что автор умер, то он должен молчать о своём авторстве. Наконец, смерть автора угрожает и читателю. По-

следовательное сведение авторства к структурному элементу текста заставляет аналогично относиться к читателю: последний тоже превращается в аспект письма, подчинённый правилам дискурса и лишённый подлинной индивидуальности. Иначе говоря, смерть автора привела бы не к возрождению читателя, а к его смерти.

В социальном плане смерть автора как субъекта речи ведёт к торжеству анонимности и безответственности. Размывание понятия авторства инициирует практики имитативного, провокативного и манипулятивного письма, что характерно для современного интернет-пространства. Такое анонимное письмо предназначено для одноразового употребления; оно имеет локальный эффект, но не закрепляется в общем фонде культуры. Лишь те текстуально выраженные мысли, которые приписываются авторству определённого субъекта, закрепляются в социальной памяти.

Итак, за любым текстом стоит известный или неизвестный нам автор. Культура как способ человеческого существования имеет текстуальный характер, который реализуется в вербальных и невербальных формах, поскольку культура представляет собой коммуникативное пространство [Аванесов 2014]. Текст неустраним из культуры, автор неустраним из текста. Тем самым литература, писательский труд — то, что может увековечить субъекта в исторической памяти, наделить его культурным бессмертием. И сколько бы ни пытались устроить убийство автора, оно в любом случае окажется далеко не идеальным.

Литература

1. Аванесов 2014 — *Аванесов С. С.* Визуальность и коммуникация // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 2. С. 11–25.
2. Барт 1994 — *Барт Р.* Смерть автора // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М.: 1994. С. 384–391.
3. Барт 2008 — *Барт Р.* Писатели и пишущие // Нулевая степень письма. М.: Академический проспект, 2008. С. 117–126.
4. Дьяков 2008 — *Дьяков А. В.* Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестн. истории и философии КГУ. Сер. «Философия». 2008. № 2. С. 45–53.
5. Косиков 2008 — *Косиков Г.* Ролан Барт — семиолог, литературовед // Нулевая степень письма. М.: Академ. проспект, 2008. С. 5–50.
6. Смирнов 2015 — *Смирнов С. А.* Форсайт человека: Опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: Офсет, 2015. 660 с.
7. Смирнов 2011 — *Смирнов С. А.* Автопоззис человека. Философские очерки по антропологии стиха. Новосибирск: Офсет, 2010.
8. Фуко 1996 — *Фуко М.* Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти, сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 8–46.
9. Фуко 1999 — *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.